

Если уж так нужно, то назовите просто „Разсказ“, или же „Обыватели“. Оба названия подойдут.

Журналъ получаю, читаю и благодарю. Получилъ и премію, которая тронула меня, такъ какъ на одной изъ картинъ есть ансты — птицы, любезныя моему хохлатому сердцу.

Недавно я видѣлъ юнаго беллетриста А. Г., моего пріятеля, и рекомендовалъ ему послать вамъ разсказъ. Онъ обѣщалъ. Вродѣ Г. у меня въ Москѣ есть еще одинъ такой писатель маленькихъ разсказовъ Н. Е. Если увижу, то и ему скажу. Оба они хорошіе ребята.

Такъ какъ мой разсказъ нуженъ вамъ для единаго изъ первыхъ номеровъ, то пришлю я его не раньше конца ноября. Теперь занятъ по горло.

Будьте здоровы. Въ ноябрѣ увидимся и по-толкуемъ о томъ, о семъ, а пока желаю всѣхъ благъ.

Вашъ А. Чеховъ“.

Оба эти письма меня не только до глубины души порадовали, но и сильно подбодрили на первыхъ шагахъ моего редакторства. Самъ Антонъ Павловичъ Чеховъ, думалъ я, котораго я сердечно любилъ, какъ человека, и высоко цѣнилъ, какъ несравненнаго русскаго писателя, будетъ сотрудничать въ редактируемомъ мною журналѣ, но, мало того — онъ, по всей видимости, уже близко къ сердцу принялъ интересы „Сѣвера“, онъ вербуетъ для него сотрудниковъ, онъ шлетъ мнѣ свои завѣты. Это-ли не радость для начинающаго редактора?

И я съ петербургскимъ ждалъ обѣщаннаго разсказа, даже позволялъ себѣ торопить Антона Павловича и по этому поводу 23-го ноября получилъ отъ него слѣдующее письмо:

„Я не лѣнюсь, сударь, а я боленъ. У меня инфлуэнца, родъ недуга, съ общою слабостью, тяжелой головой и кашлемъ. Тѣмъ не менѣе, сегодня засяду писать для „Сѣвера“. И почему я вамъ такъ нуженъ для перваго №? Не все ли равно? Впрочемъ, вы редакторъ, глава, такъ сказать, вамъ и кинти въ руки.

Ну, какъ? Интересно быть редакторомъ? Не наскучило?

Объявленіе хорошо составлено.

Боленъ я уже около мѣсяца и безвыходно сижу дома. Подробности можете узнать у С., который былъ въ Москвѣ и видѣлъ меня.

Не нужно-ли вамъ для „Сѣвера“ „экзотическія“ фотографіи, которыя я привезъ изъ кругосвѣтнаго плаванія? Есть Цейлонъ, есть Портъ-Сандъ, есть Суэцкій каналъ, есть Владивостокъ, кусочекъ Гонгъ-Конга, слоны, крокодилы и прочая штука. Если нужно, то привезу...

... Будьте здоровы, дядя. Вашъ А. Чеховъ“.

Что ни письмо, то радость! А черезъ десять дней для меня наступило уже и торжество. Я получилъ и самый разсказъ Чехова, съ сопровождавшимъ его слѣдующимъ письмомъ:

„Ну-съ, добрейшій Владиміръ Алексѣевичъ, посылаю вамъ маленькій, чувствительный романъ для семейнаго чтенія. Это и есть „Обыватели“, но, написавъ разсказъ, я далъ ему, какъ видите, другое названіе *), болѣе подходящее. Если напечатаете съ этимъ названіемъ, то въ мартѣ я пришлю вамъ другой разсказъ, который будетъ называться „Обыватели“. Впрочемъ, какъ хотите.

Если покажется длинно и скучно, то пришлите назадъ, а я напишу для васъ что-нибудь другое. Такъ какъ до января остается еще цѣлый мѣсяцъ, то вы успеете прислать мнѣ корректуру разсказа, а я усиліемъ прочесть ее.

Что еще сказать вамъ? Пригласите въ „Сѣверъ“ для всякаго рода фельетонныхъ писаній NN. Изъ всѣхъ питерскихъ обозрѣвателей это самый даровитый.

Я — яко пагъ, яко благъ, и зубы положилъ на полку. Если вы въ самомъ скоромъ времени пришлете мнѣ деньжонокъ, то уподобитесь водоносу, встрѣчающемуся путнику въ пустынѣ.

При семъ прилагаю подписной бланкъ. Сдѣлайте распоряженіе, чтобы по этому адресу высылали „Сѣверъ“ въ счетъ моего гонорара.

Ну, будьте здоровы. Пишите. Отъ души желаю вамъ успѣха. Вашъ А. Чеховъ“.

Не поражаютъ ли васъ двѣ странности въ этомъ письмѣ? Первая: — Антонъ Чеховъ, въ то время уже знаменитый писатель, разсказы котораго уже жадно читала вся грамотная Россія, такъ скромно, что, посылая одинъ изъ лучшихъ своихъ разсказовъ въ незначительный иллюстрированный журнальчикъ, уже спрашиваетъ редактора, что не длинно ли это? Не скучно-ли? И что — въ случаѣ чего — верните ему этотъ разсказъ, а онъ напишетъ для васъ что-нибудь другое.

А еще того не странно ли, что этотъ же самый Антонъ Чеховъ, постоянно работающій, ведущій самый скромный образъ жизни — „яко пагъ, яко благъ“... А вѣдь, въ то время уже всѣ говорили, что А. С. Суворинъ щедръ

*) Разсказу было дано названіе „Великій человекъ“.

рою рукою поддерживаетъ молодого писателя, кнѣзю котораго такъ бойко или въ книгоиздательствѣ „Новаго Временія“. Не правда ли, тутъ есть что-то странное? И такъ какъ я безусловно настаиваю, что Антонъ Павловичъ Чеховъ во всѣхъ своихъ потребностяхъ былъ болѣе, чѣмъ скромно, то какъ же объяснить его безденежье? Развѣ только однимъ, что слухи о „щедрой рукѣ“ были въ то время чересчуръ уже преувеличены.

Получивъ разсказъ и письмо, я немедленно отвѣчалъ Антону Павловичу, но, къ удивленію моему, 9-го декабря получилъ отъ него слѣдующее письмо:

„30-го ноября. Дорогой Владиміръ Алексѣевичъ! Я послалъ вамъ разсказъ; прошло уже десять дней, а отъ васъ ни гласа, ни воздыханія... Получили ли вы разсказъ? Не затонулъ ли онъ гдѣ-нибудь въ житейскихъ волнахъ? Говорите ли онъ? И проч. и проч. Если разсказъ годится, то пришлите ли вы мнѣ корректуру, какъ я просилъ? Въ письмѣ, приложенномъ къ разсказу, я также вопіалъ къ вамъ насчетъ аванса. Вы какъ-то въ одномъ изъ своихъ писемъ проговорились, что можно получить „и впередъ“. Посылая разсказъ свой, я вспомнилъ объ этомъ „и впередъ“ съ особеннымъ удовольствіемъ, такъ какъ у меня денегъ буквально ни гроша. Надо въ Питерѣ бѣжать, а у меня даже на билетъ нѣтъ, и я сижу у моря и жду погоды. Просто, хоть караулъ кричи! Вотъ, что значить путешествовать.

Какъ вы живете? Какова у васъ подписка? Рекламуется „Сѣверъ“ хорошо, и успѣхъ ждать можно.

У насъ въ Москвѣ новостей никакихъ. Можетъ быть, онъ и есть, но я объ нихъ ничего не знаю, такъ какъ по цѣлымъ днямъ сижу дома и выздоравливаю отъ инфлуэнцы. Говорятъ, что въ театрахъ скучно. О хорошихъ новыхъ пьесахъ что-то не слышно. Морозъ 23 градуса.

Отвѣчайте и вообще пишите поподробнѣе. Еще одно: если будете высылать мнѣ деньги, то нельзя-ли устроить эту церемонію черезъ контору бр. Волковыхъ (Невскій), переводомъ по телеграфу. Расходы по переводу мои. Страсть, какъ приспичило!

Всего хорошаго! Когда буду въ Питерѣ, увидимся. Остановлюсь я у С., а вашего домашняго адреса я не знаю. Поклонъ общимъ знакомымъ. Вашъ А. Чеховъ“.

Получивъ это письмо, я немедленно перевелъ Чехову 150 руб. авансомъ и написалъ, вѣрнѣе, повторилъ то, что было въ пропавшемъ моемъ письмѣ. А 15-го декабря получилъ уже отъ него отвѣтъ:

„Милый Владиміръ Алексѣевичъ! Письма вашего, о которомъ вы пишете, я не получилъ.

Право, не знаю, какъ быть съ заглавіемъ моего разсказа! „Великій человекъ“ мнѣ совсѣмъ не нравится. Назовите такъ — „Попрыгунья“.

Итакъ, значить „Попрыгунья“. Не забудьте переименовать.

150 руб. получилъ. Merci — оу!

Всего хорошаго! Вашъ А. Чеховъ“.

Такимъ образомъ, изъ „Обывателей“ вышла „Попрыгунья“ и появилась она въ 1-омъ и во второмъ номерѣ журнала „Сѣверъ“ за 1892 годъ.

Кто не помнитъ этого прекраснаго разсказа?

Когда Антонъ Павловичъ наѣзжалъ въ Петербургъ, онъ неизмѣнно навѣщалъ меня и на дому, и въ редакціи. Склонный къ безобиднымъ шуткамъ, онъ, сидя въ моемъ кабинетѣ, не разъ продѣлывалъ ихъ съ нашими общими знакомыми. Взявъ, напримѣръ, редакціонный бланкъ, Антонъ Павловичъ писалъ кому-нибудь то выговоръ, то приглашеніе для объясненія въ редакцію, то иногда отъ имени редактора предлагалъ авансы и подписывался всегда за секретаря редакціи, чаще всего подписывая свой шуточный писемъ фамиліей: „Нетихоновъ“.

Объ одномъ изъ такихъ курьезовъ упомянаю, между прочимъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ журналѣ „Нива“, П. А. Сергѣенко. Письмо его начиналось словомъ: „Милѣдарь!“ и оканчивалось подписью „Нетихоновъ“.

Въ то время у Антона Павловича еще часто бывали минуты веселаго, почти шаловливаго настроенія, хотя влоя недугъ уже и тогда таился въ немъ и подтачивалъ его силы. Но мы, знавшіе его и горячо его любившіе, и не подозревали, что этотъ молодой, милый, сердечный товарищъ уйдетъ отъ насъ въ дни самаго расцвѣта своего чудаго таланта.

Для читателей остались его произведенія, но для насъ, его знакомыхъ и пріятелей, что замѣнить намъ его? Его, добраго, отзывчиваго, шедшаго навстрѣчу всякому горю со словомъ утѣшенія, а иногда и съ возможной матеріальной помощью. Для насъ утрата Чехова не только, какъ писателя, но и какъ человека, незаменима.

Влад. Тихоновъ.

Изъ личныхъ воспоминаній

объ А. П. Чеховѣ.

... Въ 1891 году я былъ приглашенъ редактировать еженедѣльный иллюстрированный журналъ „Сѣверъ“.

Первымъ моимъ шагомъ было обратиться къ Антону Павловичу Чехову, съ которымъ я уже нѣсколько лѣтъ, какъ состоялъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ, съ просьбой принять участіе въ „Сѣверѣ“, дать мнѣ немедленно хотя бы небольшой разсказъ или, въ крайнемъ случаѣ, сообщить его названіе, чтобы я могъ заранѣе анонсировать участіе Чехова въ „Сѣверѣ“.

Не прошло и двухъ дней, а именно, 16-го сентября, я уже получилъ отвѣтъ отъ Антона Павловича. Вотъ что, между прочимъ, писалъ онъ:

„Разсказъ я пришлю, добрейшій Владиміръ Алексѣевичъ, но сказать, какъ онъ будетъ называться, я не могу. Назвать его теперь такъ же трудно, какъ опредѣлить цвѣтъ курицы, которая вылупится изъ яйца, которое еще не снесено. Благодарю за приглашеніе...

... Редакторство ваше меня нѣсколько не удивило и не вызвало ни одного вопроса, ни даже того, на который вы поторопились отвѣтить. Кому же быть редакторомъ, какъ не литераторамъ? Только, съ вашего позволенія, вотъ вамъ мой завѣтъ: читайте все присылаемое и не относитесь недовѣрчиво къ новичкамъ. Заведите статейки по естественнымъ наукамъ и не давайте мѣста шарадамъ и критическимъ статьямъ...“.

... Будьте здоровы и счастливы. Желаю вамъ и вашимъ дѣткамъ всего хорошаго. Въ Питерѣ пріѣду не раньше декабря. Коли не забудете, пришлите мнѣ номерокъ „Сѣвера“ для знакомства.

Вашъ А. Чеховъ“.

Несмотря на всю резонность смысла на курицу, не вылупившуюся изъ несмѣннаго яйца, я все-таки продолжалъ настаивать на сообщеніи мнѣ названія будущаго разсказа. И вотъ, что писалъ мнѣ Чеховъ отъ 11-го октября того же года:

„Вы официально признаны редакторомъ. Поздравляемъ и желаемъ вамъ получить орденъ Такова.

Что же касается названія разсказа, то простите, голубчикъ, я ничего еще не придумалъ.